

ЯЗЫК ПРАВА УДК 340.113, 342.1, 342.7, ББК 67.01, 67.400.321, 67.400.33, ГРНТИ 10.01.33, 10.15.4,
10.15.59, Код ВАК 5.1.1

Категория «виртуальная территория государства»: понятие и элементы¹

А. Е. Канакова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: kananna19@yandex.ru

Статья посвящена исследованию категории «виртуальная территория государства». Автор рассматривает корректность применения характеристики «виртуальная» по сравнению с уже имеющимися в законодательстве терминами «информационная» и «цифровая». В работе обосновывается невозможность признания «государственной территории Российской Федерации» в качестве правового офлайн-аналога для «виртуальной территории государства», что предопределяет невозможность содержательного расширения уже учрежденной категории. В тексте статьи выделяются два элемента, из которых формируется виртуальная территория государства: пространство определенных сайтов в сети Интернет (государственные сайты, сайты в российской доменной зоне, иные сайты, чьи владельцы изъявили желание функционировать в соответствии с российским законодательством и т. п.) и зона в виртуальном пространстве, образуемая в результате действий специально оговоренного в законе субъекта. В рамках второго элемента рассматриваемой категории автор обосновывает необходимость его выделения через призму права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом деятельность, а также законно установленную обязанность уплачивать налоги. По итогам проведенного исследования и анализа текущего российского законодательства автор делает вывод о том, что экономическая деятельность в виртуальном пространстве не создает новое цифровое право, а обозначает необходимость трансформации уже учрежденного экономического правомочия в рамках процесса цифровизации. Одновременно с этим пространство («виртуальная территория государства»), в котором и предполагается реализация трансформированных правовых положений, не имеет офлайн-аналогов в действующем российском законодательстве и требует обособленного регулирования с учетом сущностных особенностей рассматриваемого явления.

Ключевые слова: виртуальная территория, экономические права, налоговая обязанность, интернет, юрисдикция.

Category “Virtual Territory of the State”: Concept and Elements²

A. E. Kanakova

Altai State University

61 Lenin Str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: kananna19@yandex.ru

The article discusses the category “virtual territory of the state”. The author considers the correctness of applying the characteristic “virtual” in comparison with the terms “informational” and “digital” already available in the legislation. The article substantiates the impossibility of recognizing the “state territory of the Russian Federation” as a legal offline analogue for the “virtual territory of the state”, which predetermines the impossibility of substantive expansion of the already established category. The text of the article identifies two elements from which the virtual territory of the state is formed: the space of certain sites on the Internet (state sites, sites in the Russian domain zone, other sites whose owners have expressed a desire to operate in accordance with Russian legislation, etc.) and the zone in the virtual space formed as a result of the actions of a subject specially designated in the law. Alongside the second element of the category under consideration, the author

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-01133 «Цифровизация прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации». <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>.

² The research was supported by RSF (project No. 23-78-01133) “Digitalization of human rights and freedoms of a citizen of the Russian federation”. <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>.

substantiates the need for its definition through the prism of the right to entrepreneurial and other activities not prohibited by law, as well as the legally established obligation to pay taxes. Based on the results of the research and analysis of current Russian legislation, the author concludes that economic activity in virtual space does not create a new digital right, but indicates the need to transform the already established economic legal entitlement as part of the digitalization process. At the same time, the domain ("virtual territory of the state"), in which the implementation of transformed legal provisions is supposed to be realized, has no offline analogues in the current Russian legislation and requires separate regulation taking into account the essential features of the phenomenon under consideration.

Key words: virtual territory, economic rights, tax liability, Internet, jurisdiction.

Современный уровень развития технологий заставляет признать, что традиционные принципы международного права, сформированные в эпоху физических границ, не работают для информационно-коммуникационной сети Интернет (далее – сеть Интернет). Попытки регулирования виртуального пространства, на которое претендует каждое государство, оказались неэффективными, что привело к обсуждению вопросов суверенитета и юрисдикции в сети Интернет [Азизов 2014; Астапенко 2022].

Государства вынуждены адаптировать свои правовые системы к новым реалиям, поэтому логичным является рассмотрение возможности появления категории «виртуальная территория государства».

Первостепенно требуется обосновать выбор характеристики «виртуальная» в сравнении с «информационная» и «цифровая». Согласно федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», само понятие «информация» представляет собой сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления, в то время как под «информационной системой» понимается совокупность информации и технологий для ее обработки, которая, важно отметить, не указывается в виде программы удаленного доступа, а может быть локальной. Соответственно, процесс информатизации предполагает работу со способами обработки данных и с их результатом как в офлайн-, так и в онлайн-пространстве, поэтому использовать категорию «информационная территория» в контексте исследования сети Интернет будет не совсем корректным.

Появление термина «цифровизация» стало следствием перехода от аналоговых технологий к цифровым, обеспечивающим работу с электронными данными на основе двоичного кода (0 и 1). В контексте данного явления предполагается обязательное использование современных технологий, однако вновь не вводится привязка к возможности удаленного получения данных (работать в специальной программе на компьютере можно и без наличия доступа в сеть Интернет). В российском законодательстве этот термин часто используется в контексте «цифровой экономики», «цифровых прав» и «цифровых технологий», но категория «цифровая территория» аналогично будет слишком широкой для анализа правовых возможностей государства в отношении сети Интернет.

Иначе ситуация обстоит с термином «виртуальный»: в российском законодательстве указанная категория фактически не используется, а лишь подразумевается. Так, простор для исследований создает отсутствие единого понимания категории «виртуальный объект», в частности, вопрос статуса игровых атрибутов, приобретаемых за реальные деньги в онлайн-играх, до сих пор законодательно не решен и вынуждает правоприменителей выводить привязку к какой-либо конкретной норме через выявление смысла правовых положений, например, признавая за пользователями роль лицензиатов, которым компания-владелец предоставила права пользования.

Рассматривая суть такого явления, как «виртуальный», необходимо выявить его отличительную особенность, которую очень точно обозначила Т. Я. Хабриева, подчеркивая, что виртуальные вещи обладают определенным парадоксом, а именно субстанциональной процессуальностью, когда эта вещь существует исключительно в процессе работы компьютерных программ, и процессы вычисления, телекоммуникации, человеческого мышления, сознания образуют ее субстанцию [Хабриева 2018: 95].

Стихийно сложившееся в обществе впечатление, что, «войдя» в Интернет, человек попадает в единое обособленное пространство, является ошибочным. Сеть Интернет представляет собой разрозненное явление и существует только в рамках непрерывно функционирующих процессов, где происходит удаленное подключение к различным ресурсам, серверам и т. п. Следовательно, исчезновение электричества прекратит удаленный доступ к цифровой информации и уничтожит сеть Интернет, что лишь подтверждает ее субстанциональную процессуальность.

Наделяя правовое явление характеристикой «виртуальный», следует ориентироваться на два критерия. Во-первых, существование данного технически созданного состояния только в процессе работы технической аппаратуры. Во-вторых, у данного явления не должно существовать полностью сопоставимого аналога в рамках реального мира.

Таким образом, выделение в рамках глобальной сети Интернет категории «виртуальная территория государства» представляется наиболее корректной и соответствующей смысловому и содержательному наполнению этого явления.

Несмотря на использование понятия «территория», сеть Интернет нельзя сопоставлять с территорией государства (ст. 67 Конституции РФ), потому что принципы, на которых строится формирование указанных пространств, существенно отличаются. Так, устоявшимся является понимание того, что определенная территория принадлежит только одному государству, а не находится под властью одновременно нескольких стран, в то же время различные государства мира претендуют на распространение собственной юрисдикции на одни и те же сайты.

Вместе с этим сам механизм перемещения по определенному пространству (реальному или виртуальному) не подлежит унификации: для выхода в сеть Интернет не нужно пересекать государственную границу, оформлять

проездные документы и т. п. Фактически человек реализует свое право на информацию, но в специфической среде, которая и порождает особенности ее правового регулирования.

Современная политическая обстановка и изменение вектора с глобализации на национальное регулирование обозначили такую тенденцию, когда государства в одностороннем порядке в собственных нормативных правовых актах устанавливают режим доступа и пользования ресурсами, которые соответствующему государству не принадлежат, что порождает вопрос правомочности подобного поведения.

Распространение суверенитета и властных возможностей государства происходит через призму двух критериев: территории и субъектов.

По причине того, что никакой реально существующей территории сеть Интернет не создает, государства фактически претендуют на распространение своих властных полномочий на результат работы цифровой инфраструктуры – сайты, передаваемые данные и т. п. Однако ни одно государство в мире не способно провести правовое регулирование всех цифровых ресурсов, тем более физически расположенных в другой стране и находящихся в частной собственности. Таким образом, для того, чтобы было возможно признать определенный сайт в сети Интернет виртуальной территорией России, необходимо иметь техническую привязку к российскому государству.

В качестве примера ресурса, созданного Россией, можно указать сайт федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (далее – Госуслуги). В данном случае регулирование правовых отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в виртуальном пространстве, без дополнительных уточнений попадает под российскую юрисдикцию, так как технические характеристики (место хранения данных, расположение оборудования, национальная доменная зона) и статус субъекта-создателя (государство) не допускают альтернативы.

Аналогичная ситуация касается сайтов, относящихся к российской доменной зоне (.RU и .RF). Соответствующие домены выдаются через систему аккредитованных регистраторов под управлением Координационного центра национального домена сети Интернет, который хоть и не является государственным органом, но в числе его учредителей числились Министерство связи и массовых коммуникаций РФ (с 2015 г.) и Роскомнадзор (с 2020 г.) [Власти отдали... 2020 URL].

Однако подавляющее количество сайтов в сети Интернет не имеют прямого отношения к какой-либо властной структуре и не находятся в российской доменной зоне, что оставляет открытым вопрос возможности отнесения их к виртуальной территории конкретного государства. Так, не имея правовых оснований, например, требовать от иностранного сайта удаления запрещенной, порочащей или оскорбляющей информации, предоставления данных о лице, ее распространяющем, и т. п., российский правоприменитель может рассчитывать исключительно на добровольное предоставление информации и совершение требуемых действий.

Таким образом, к виртуальной территории государства могут быть отнесены сайты, добровольно изъявившие согласие на подчинение в данном случае российским нормам. Отсутствие подобной договоренности допускает разные варианты развития событий: от игнорирования наличия в сети Интернет ресурса, содержащего данную информацию, до закрытия доступа к этому сайту с территории государства.

Фактически ограничение доступа к соответствующему сайту является еще одним способом формирования границ виртуальной территории государства, однако в данном случае важным является соразмерность подобных ограничений (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Так, с 1 ноября 2024 г. блогеры с 10 тыс. подписчиков на каналах обязаны передавать информацию о себе в Роскомнадзор в рамках борьбы с анонимностью [С 1 ноября... 2024 URL]. Последствия отсутствия такой регистрации связаны в том числе и с ограничением доступа к странице, данных о которой нет в Реестре, что теоретически допускает возможность закрыть доступ ко всем крупным блогерам, кроме российских, что крайне сложно оценить как отвечающее критерию соразмерности.

На основе указанного выше можно сделать вывод о том, что по территориальным характеристикам виртуальное пространство обособить можно, но с определенной долей условностей, построенных на критериях цифровой инфраструктуры и территориальной привязки субъекта, ими владеющего.

Однако очевидным является то, что далеко не во всех случаях можно вести речь о присоединении пространства всего сайта к виртуальной территории конкретного государства, так как, например, количество лиц, получающих доступ к нему с территории России, может быть незначительным в масштабах всей аудитории, что не создаст интерес у владельца ресурса пересматривать правила его использования, в то время как деятельность пользователей на соответствующем портале может быть объектом правового регулирования с позиции российского законодательства.

Наглядно это можно увидеть в экономической сфере, в частности, в рамках права на предпринимательскую и иную незапрещенную законом экономическую деятельность, а также обязанности уплачивать законно установленные налоги [Арсланов 2022; Кондрашова и др. 2023; Молодых 2024; Петрова и др. 2022; Рысбаева и др. 2022; Самсонов и др. 2020].

Столкнувшись с проблемой территориальной привязки виртуального пространства, законодатели разных стран перевели фокус внимания на субъект. Разумеется, в рамках реального мира аналогично существуют экономические вопросы, которые определяются через человека (например, статус налогового резидента), однако даже в них учитывается привязка к территории. Согласно ст. 207 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), налоговыми резидентами признаются физические лица, фактически находящиеся в России не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев. Разница между указанными статусами заключается

не только в налоговой ставке, но и в объекте налогообложения, так как налоговый резидент платит налоги с доходов, полученных как в России, так и за границей, в то время как нерезидент Российской Федерации – уплачивает налог только с доходов, полученных в России (ст. 209 НК РФ). На основе данной правовой конструкции можно сделать вывод об осознании законодателем несостоятельности варианта получения налога, например, с гражданина Российской Федерации, постоянно проживающего в другом государстве и не имеющего связи с Россией.

Аналогичный подход применяется в отношении деятельности организаций. Так, в ст. 246 НК РФ указывается, что налогоплательщиками налога на прибыль организаций являются российские и иностранные организации, где в отношении последних уточняется про необходимость осуществления ими деятельности в России через постоянные представительства и (или) получения ими доходов от источников в России. Применение указанной правовой конструкции в рамках реального мира обеспечено выработанными правилами определения места оказания услуги, выполнения работы или реализации товара, однако их применение для деятельности в виртуальном пространстве требует дополнительного осмысления, особенно когда речь идет о предоставлении услуги исключительно в виртуальной среде.

Особый научный интерес вызывает статья К. С. Тетерятникова, С. Г. Камолова, Д. А. Блашкиной [Тетерятников и др. 2020], в которой рассматривают попытки различных государств ввести цифровой налог, выявляются его положительные и отрицательные последствия и т. п. Опираясь на материал указанного исследования, можно выявить любопытную тенденцию, связанную с попытками различных стран в той или иной мере претендовать на прибыль иностранных организаций, работающих в информационной сфере (далее – ИТ-компания), услугами которых пользуются жители соответствующей страны.

В российских нормативных правовых актах аналогично содержатся нормы, позволяющие сделать выводы насчет необходимости уплаты налогов с подобной деятельности.

В случае, если услуги в виртуальном пространстве оказывает налоговый резидент Российской Федерации, то, согласно ст. 209 НК РФ, не имеет значения, где находится человек в момент оказания данной услуги, так как налогом облагается любой доход, полученный указанным субъектом. Следовательно, законодатель изначально использовал критерий территориальной привязки (без которого не появляется статус налогового резидента), а в дальнейшем ориентируется исключительно на субъект. В данной ситуации законодатель абстрагируется от необходимости определять именно территориальные характеристики виртуального пространства.

Когда же услуги налоговому резиденту Российской Федерации оказывает лицо, не имеющее данного статуса, то ситуация приобретает иной характер. Во-первых, налоговый резидент Российской Федерации, будучи физическим лицом, не приобретает статус налогового агента для субъекта, оказывающего услугу. Во-вторых, обязанность уплатить налоги в России у лиц, не обладающих статусом налогового резидента Российской Федерации, возникает в случае, когда они получают доход от источника в России. В-третьих, источник дохода в рамках НДФЛ определяется на основе ст. 208 НК РФ (пп. 6.3 п. 1 и пп. 6.1 п. 3), в которой уделяется отдельное внимание вознаграждению, полученному налогоплательщиком за выполненные работы, оказанные услуги, предоставленные права использования результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, в случае их осуществления в сети Интернет.

В таком случае для того, чтобы доход был признан полученным от источника в России, предусмотрен обязательный и факультативный критерий. В качестве минимально необходимого требуется, чтобы выполнение работ, оказание услуг, предоставление прав использования результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, осуществленных в сети Интернет, происходило с использованием доменных имен и сетевых адресов, находящихся в российской национальной доменной зоне, и (или) информационных систем, технические средства которых размещены на территории России, и (или) комплексов программно-аппаратных средств, размещенных на территории России. В качестве факультативного критерия законодатель устанавливает необходимость наличия хотя бы одного из следующих условий: налогоплательщик – физическое лицо является налоговым резидентом Российской Федерации; доходы получены налогоплательщиком – физическим лицом на счет, открытый в банке, находящемся на территории России; источники выплаты доходов – это российские организации, индивидуальные предприниматели, нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, а также обособленные подразделения иностранных организаций в России.

Во всех иных случаях соответствующие выплаты признаются полученными от источника за пределами России и не подлежат налогообложению. Таким образом, законодатель очерчивает критерии, по которым можно связать виртуальное присутствие субъекта в сети Интернет с российской юрисдикцией, а именно по техническим характеристикам (в частности, точке входа) и по субъекту (налогоплательщику, банку или источнику выплаты).

Помимо физического лица, услуги могут оказывать и ИТ-компании. Если в ситуации с российской ИТ-компанией правовых вопросов не возникает, так как под имеющиеся критерии подпадает практически любая их деятельность, то в отношении иностранных организаций нужно учитывать отдельные правила. Порядок исчисления и уплаты налога на прибыль организаций зависят от факта наличия или отсутствия постоянного представительства иностранной компании на территории России (ст. 306 НК РФ). В случае наличия постоянного представительства ситуация с иностранными компаниями становится аналогичной российским компаниям, за исключением того, что объектом налогообложения будет являться прибыль, полученная данным представительством, а не всей иностранной компанией (ст. 307 НК РФ). Указанное является примером территориальной привязки, которая изначально закладывалась в законодательстве, ориентированном на реальный мир. При отсутствии постоянного представительства соответствующие доходы подлежат обложению налогом, удерживаемым у источника выплаты

доходов (ст. 309 НК РФ). Однако никакой конкретики насчет деятельности организации в виртуальном пространстве данная статья не содержит, тем самым порождая двоякость толкования положения об открытости перечня доходов, получаемых от источника в России (пп. 10 п. 1 ст. 309 НК РФ), и тем, что иные доходы не подлежат обложению налогом у источника выплаты (п. 2 ст. 309 НК РФ).

Более конкретные нормативные положения содержатся в положениях, посвященных налогу на добавленную стоимость. Согласно правилам, действующим с 2017 года, иностранные организации, оказывающие услуги в электронной форме, были признаны плательщиками НДС, который уплачивался через налоговых агентов – российские компании. С 2019 года в силу вступили изменения, которые возложили данные обязанности непосредственно на иностранные организации, однако в силу политических условий и санкционного воздействия реализация данного положения стала затруднительной, поэтому ФНС России в письме от 30.03.2022 № СД-4-3/3807 рекомендовала российским покупателям самостоятельно исчислять, удерживать и уплачивать НДС в бюджет.

Перечень услуг, оказываемых в сети Интернет, порядок исчисления и уплаты налога закреплены в ст. 174.2 НК РФ. Однако правила для определения места оказания услуги зафиксированы в ст. 148 НК, содержащей особые указания насчет виртуального пространства. Так, в пп. 4 п. 1 ст. 148 НК РФ закреплено, что местом осуществления работы (услуги) признается Россия, если покупатель работ (услуг) осуществляет деятельность на территории России. С учетом того, что к виртуальному пространству нельзя напрямую применять территориальный критерий, в указанной норме предусмотрены отдельные правила, посвященные условиям признания местом оказания услуги, осуществляемой в сети Интернет, Российскую Федерацию. Так как порядок определения места оказания услуги для организации или индивидуального предпринимателя напрямую связан с местом их регистрации, то законодатель отдельно предусмотрел особые правила только в отношении услуги, оказываемой физическому лицу, не имеющему статус индивидуального предпринимателя. В частности, в таком случае местом оказания услуги, осуществляемой в сети Интернет и оказываемой физическому лицу, не являющемуся индивидуальным предпринимателем, признается Российская Федерация в случае, если выполняется хотя бы одно из указанных условий: местом жительства покупателя является Российская Федерация; место нахождения банка, в котором открыт счет, используемый покупателем для оплаты услуг, или оператора электронных денежных средств, через которого осуществляется покупателем оплата услуг, – на территории России; сетевой адрес покупателя, использованный при приобретении услуг, зарегистрирован в России; международный код страны телефонного номера, используемого для приобретения или оплаты услуг, присвоен Российской Федерации.

Таким образом, законодатель вновь продемонстрировал собственную направленность на создание иных критериев определения подчинения правоотношений в виртуальной зоне: технические (сетевой адрес, международный код страны телефонного номера) и субъектные (банк, место жительства физического лица).

Следовательно, если действия субъекта подпадают под специально установленные правила (как это сделано в налоговом праве), то частью виртуальной территории России становится та небольшая виртуальная зона, которая формируется в результате деятельности соответствующего лица. Нормативное закрепление данного допущения позволит обосновать применение российского законодательства.

На основе проведенного анализа можно сформулировать определение категории «виртуальная территория государства», под которой следует понимать совокупность веб-сайтов, которые находятся под юрисдикцией и контролем государства (созданы госорганами, зарегистрированы в соответствующей доменной зоне или на основе добровольного волеизъявления владельца ресурса), и зоны деятельности интернет-пользователей, действия которых и (или) их последствия являются объектом правового регулирования в рамках действующего законодательства.

В ранее опубликованных результатах проводимого грантового исследования «Цифровизация прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации» был сделан вывод о том, что большинство действий, совершаемых в виртуальном пространстве, не порождают новые права и свободы, а лишь вынуждают трансформировать уже существующие правомочия. Создание обособленных цифровых прав и свобод нужно только в том случае, если рассматриваемая категория не имеет аналога в офлайн-мире. Таким образом, право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом деятельность, обязанность уплачивать налоги подверглись именно цифровизации, в то время как категория «виртуальная территория государства» офлайн-аналога не имеет, следовательно, представляет собой новое правовое явление, требующее обособленного правового регулирования.

Литература

Азизов Р. Ф. Правовые проблемы определения юрисдикции в сети Интернет / Информационное право. – 2014. – № 5 (41). – С. 25–29.

Арсланов К. Т. Правовые аспекты цифровизации общественных отношений: блогеры и блогерская деятельность / Вестник университета управления «Татарский институт содействия бизнесу». – 2022. – № 2. – С. 59–71.

Астапенко П. Н. Цифровой суверенитет: понятие и соотношение с государственным / Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 321–324.

Власти отдали домены RU и РФ Роскомнадзору, отобрав у Минкомсвязи / Сетевое издание «СNews». – 2020. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-03-12_roskomnadzor_smenil_minkomsvyazi

Кондрашова А. Д., Круглова Ю. Б. Правовые проблемы налогообложения электронной интернет-торговли / Наука в жизни человека. – 2023. – № 3. – С. 134–144.

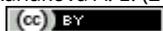
- Молодых В. А. Проблема уклонения от уплаты налогов в интернет-экономике и перспективные направления ее решения / Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2024. – № 1. – С. 132–140.
- Петрова С. В., Антоновская Е. А., Соколова Г. Н., Федоров П. В. Выявление (легализация) и налогообложение доходов физических лиц, полученных в социальных сетях / Фундаментальные исследования. – 2022. – № 11. – С. 59–63.
- Рысбаева А. К., Карабекова А. К., Шайлообеков Ж. Ш., Тойчубеков К. Ш., Муратбеков К. М. Налогообложение электронной коммерции / Актуальные вопросы современной экономики. – 2022. – № 5. – С. 692–704.
- Самсонов Е. А., Зыков А. Е. Проблемы налогообложения субъектов в условиях становления цифровой экономики / Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 3. – С. 65–70.
- С 1 ноября блогеры с 10 тыс. подписчиков должны передавать информацию о себе в Роскомнадзор / Российская газета. – 2024. – 1 нояб. – URL: <https://rg.ru/2024/11/01/golyj-parol.html>
- Тетерятников К. С., Камолов С. Г., Блашкина Д. А. Цифровой налог: поучительный зарубежный опыт / Российский экономический журнал. – 2020. – № 4. – С. 69–87.
- Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.

References

- Arslanov, K. T. (2022). Legal Aspects of Digitalization of Public Relations: Bloggers and Blogging. Bulletin of the University of Management "Tatar Institute of Business Support", 2, 59–71 (in Russian).
- Astapenko, P. N. (2022). Digital Sovereignty: Concept and Correlation with the State. In Actual Problems of Society, Economy, and Law in the Context of Global Challenges: Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg, 321–324 (in Russian).
- Authorities Transfer RU and RF Domains to Roskomnadzor, Taking Them from the Ministry of Communications. (2020). CNews Online Publication. Available from: https://www.cnews.ru/news/top/2020-03-12_roskomnadzor_smenil_minkomsvyazi (in Russian).
- Azizov, R. F. (2014). Legal Issues of Determining Jurisdiction on the Internet. Information Law, 5(41), 25–29 (in Russian).
- From November 1, Bloggers with 10,000 Subscribers Must Submit Information to Roskomnadzor. (2024). Russian Newspaper. Available from: <https://rg.ru/2024/11/01/golyj-parol.html> (in Russian).
- Khabrieva, T. Ya. (2018). Law in the Context of Digital Reality. Journal of Russian Law, 1, 85–102 (in Russian).
- Kondrashova, A. D., Kruglova, Yu. B. (2023). Legal Problems of Taxation of Electronic Internet Trade. Science in Human Life, 3, 134–144 (in Russian).
- Molodykh, V. A. (2024). The Problem of Tax Evasion in the Internet Economy and Promising Solutions. Bulletin of Rostov State University of Economics, 1, 132–140 (in Russian).
- Petrova, S. V., Antonovskaya, E. A., Sokolova, G. N., Fedorov, P. V. (2022). Identification (Legalization) and Taxation of Income of Individuals Received in Social Networks. Fundamental Research, 11, 59–63 (in Russian).
- Rysbaeva, A. K., Karabekova, A. K., Shailoobekov, Zh. Sh., Toichubekov, K. Sh., Muratbekov, K. M. (2022). Taxation of E-Commerce. Actual Issues of Modern Economics, 5, 692–704 (in Russian).
- Samsonov, E. A., Zykov, A. E. (2020). Problems of Taxation of Entities in the Context of the Digital Economy Formation. Actual Issues of Modern Economics, 3, 65–70 (in Russian).
- Teteriatnikov, K. S., Kamolov, S. G., Blashkina, D. A. (2020). Digital Tax: Instructive Foreign Experience. Russian Economic Journal, 4, 69–87 (in Russian).

Citation:

- Канакова А. Е. Категория «виртуальная территория государства»: понятие и элементы // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 20–25.
- Kanakova A. E. (2025) Category "Virtual Territory of the State": Concept and Elements. Legal Linguistics, 35, 20–25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License